

ВАРИАНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

М. Д. Чертыкова

УДК 811.512.1

В статье впервые в хакасском языкознании подвергается анализу с понятийной точки зрения один из видов вариантных отношений глаголов психической деятельности – функциональная эквивалентность. Опираясь на теоретические разработки и положения известных лингвистов в данной области, автор предлагает основные критерии общности и разграничения явления функциональной эквивалентности от явлений многозначности и синонимии.

Ключевые слова: хакасский язык, глаголы психической деятельности, вариантные отношения, функциональные эквиваленты, многозначность, синонимия.

Понятие «вариантность», в рамках которого изучаются видоизменения, охватывающие все уровни языка в целом, закрепилось в гуманитарном общенаучном обиходе во второй половине XX в. Термин «вариантность» (от *lat. varians* – изменяющийся) лингвистами рассматривается в нескольких значениях, общий смысл которых сводится к тому, что это видоизменение, разновидность; одна из возможных языковых реализаций. В. М. Солнцев пишет, что вариантность понимается, во-первых, как представление о различных способах выражения языковой сущности как о её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы, во-вторых – как способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. Это фундаментальное объективное свойство языковой системы затрагивает все уровни и единицы языковой системы, как в плане выражения, так и в плане содержания [1, с. 32]. В нашем понимании в термине «вариант» присутствует два связанных между собой значения: изменчивость и способность существовать в нескольких разновидностях, например, единица семантической структуры глагола. Вариантные отношения между лексемами или их лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) представляют собой один из типов отношений языковых единиц и встречаются на всех уровнях структуры языка, что можно проследить на примере таких противопоставленных и в то же время пересекающихся явлений языка, как синонимия и многозначность. Анализ синонимических отношений приводит к констатации того, что слова синонимичны не во всех значениях, а только в некоторых, чаще всего вторич-

ных. Отдельные ЛСВ многозначного глагола при соответствующем контекстном употреблении могут совпадать со значениями других глаголов. Э. В. Кузнецова пишет, «Две стороны слова-знака - лексема и семема – связаны между собой произвольно, и каждая из них может варьироваться автономно, не вызывая изменений в противоположном плане. Так, рассматривая многозначность, мы видели, как происходит семантическое варьирование слов при неизменности лексем, манифестирующих их разные значения. При синонимии роли инварианта и варианта распределяются противоположным образом: инвариантным является определенное значение, семема, единица плана содержания, а вариантами – лексем, способные выражать это значение [2, с. 122].

Варьироваться могут как основные лексические единицы, так и их семантические группировки. Э. В. Кузнецова выделяет «поверхностный» и «глубинный» уровни вариантных отношений. «Глубинный уровень составляет основу языка, представленную единицами-эталоном в их первичных формах и функциях, парадигматически связанных между собой отношениями сходства-различия. Поверхностный уровень – это своеобразная «надстройка», образуемая сложным взаимодействием вторичных форм и функций соответствующих единиц, связанных вариантными отношениями» [3, с. 97].

Поле психической деятельности глаголов хакасского языка включает пять лексико-семантических групп (ЛСГ): это ЛСГ глаголов со значениями говорения, эмоции, мышления, поведения и восприятия. Данные глаголы, рас-

сматриваемые нами сквозь призму антропоцентризма, являются ядерными в хакасском языке.

Рассмотрение семантического варьирования, в частности, явления функциональной эквивалентности, в сфере глаголов психической деятельности позволяет выявить определенные типовые значения глаголов на уровне синтагм. Такие глаголы обозначают однотипные ситуации, выступают в предложениях однотипной структуры, обладают однотипной сочетаемостью. Сходство компонентного состава значений, однотипность условий синтаксической реализации определяют развитие в глаголах одинаковых семантических вариантов, представляющих вторичные значения. Так, например, значение «иметь свое мнение» может быть выражено не только глаголом *сана* «считать», для которого это значение является основным, но и рядом других глаголов той же семантической подгруппы интеллектуального процесса, в которых данное значение является неосновным, порой даже окказиональным, ср.: *сагын* в ЛСВ «считать», *көр* в ЛСВ «считать»: *Позын ол хайдар абахай тiп хачан даа санабачаң (сагынмачаң, көрбечең)* – Она никогда не считала себя красивой.

Функциональная эквивалентность – один из видов вариантных отношений слов в лексической системе языка. Лингвисты помимо синонимичных отношений между лексическими единицами на основе их вторичных значений выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами. Под функциональной эквивалентностью (или синонимией в широком смысле слова) обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [2, с. 123]. Некоторые исследователи в пользу широкого понимания синонимии отказываются от неоднозначного термина «синоним», предпочитая называть слова, выполняющие в предложении одинаковые функции, функциональными эквивалентами. «Поскольку сходный термин «варианты слов» уже используется в лексикологии для обозначения особого вида формального варьирования слов, мы, отказываясь от неоднозначного термина «синонимы», предпочитаем называть слова, выполняющие в предложении

одинаковые функции, функциональными эквивалентами» [4, с. 158]. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. Например, Э. В. Кузнецова, рассматривая функциональную эквивалентность как синонимию в широком смысле, выделяет виды функциональных эквивалентов — абсолютные, контекстные и вторичные синонимы [2, с. 124-126].

«В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными» [5, с. 113]. Таким образом, явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование в предложении слова – синтагмы. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования. Например, для глагола *чохсын* «1) чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-л., чего-л.; *паламны чохсынчам* чувствовать отсутствие своего ребенка; 2) чувствовать потерю кого-л., чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-л., о чем-л.; характерно наличие вторичного значения «тосковать о ком-л., о чем-л.». В хакасском языке нет отдельного глагола, репрезентирующего значение «скучать, тосковать». Однако в контекстах это значение вполне могут реализовать (и взаимозаменяться) глаголы *чохсын* и *сагын* в своих вторичных ЛСВ «скучать», «тосковать», однако имеет место в разнице их падежного управления: глагол *чохсын* требует в качестве объекта имени в вин. п., а глагол *сагын* в дат. п. Например, *Арокка паза Хыспинчаа удаа сагынадырбын (Арокты паза Хыспинчаны чохсынадырбын), олар минің харындастарым ноза* (Тко, 21) – Я часто скучаю по Ароку и Хыспинче, они же мои братья. *Мин айланганча, алган чахсым, чахсы чуртап чөрчет, магаа сагынма (мині чохсынма)* (Хчк, 20) – До моего возвращения, моя суженая, живи хорошо, не скучай по мне. *Ол чиріме хайда-хайдар сагын парчам теен* (Хч, 4) – Он сказал, мол, сильно скучает по своей родине. В последнем предложении замена данных глаголов невозможна, по-

сколькx глагол **чоxсын** в роли объекта предполагает только одушевлённое имя.

Таковыми взаимозаменяющимися вариантами слов могут быть и родo-видовые оппозиции, например, между идентификатором и одним из членов ЛСГ, обычно периферийной её части. Такие члены предложения выполняют одну и ту же функцию взаимозаменяемости. В структуре ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке возможны отношения функциональной эквивалентности в родo-видовых связях между доминантой семантической подгруппы и одним из её членов. Например, между глаголами – представителями разных семантических подгрупп в ЛСГ глаголов эмоции: **хомзын** «переживать, печалиться» - **түҗен** «1. кончатся, иссякать, истощаться; 2. перен. страдать, скорбеть», **наарса** «относиться доброжелательно к кому-л.» - **наар хайыл** «жалеть», **хатхыр** - «смеяться» - **кідіре** - «смеяться раскатисто, гоготать»; **ылга** - «плакать» - **сүркүңне** - «всхлипывать»; **хыртыстан** - «1. раздражаться; 2. злиться», и **пу харахтаң көрбе** - «ненавидеть» или **тарың** «сердиться» и т.д. Примеры: *Андаг оох-теек нимее хомзынмачаң (түҗенмечең), харындас!* (П, 192) – Из-за таких мелочей не стоит страдать, брат! – *Көрзең чахсы! Нөбс таныбадың – хатхырча (кідірепче) ол* – Смотри-ка хорошенько! Неужели не узнал? – смеется он. *Хайран санчы, ол хапха түңдере чадып, чоо ылгаан (сүркүңнеен)* (У, 17) – Бедный учетчик, упав лицом вниз на этот мешок, так сильно плакал (всхлипывал). *Пегас теең атха хулахтарың саңай тундыра тептірген Нашиванов осхас «пасчатхан күлүктер» аны пу харахтаң көрбинчелер (хыртыстанчалар)* (Хч, 9) - Такие «пишущие молодцы», как Нашиванов, которого конь Пегас пнул так, что он оглох, его ненавидят. *Пу сөстер үчүн Күдет агаа хыртыстанган (тарыңган), аннаңар пірдее ниме тапсабаан* (Птн, 36) – За эти слова Кудет на него злился, поэтому ничего не ответил.

В этих предложениях при замене глаголов, как функциональных эквивалентов, общий смысл сохраняется. Однако глаголы с дифференцированным значением **кідіре** «смеяться раскатисто, гоготать», **сүркүңне** «всхлипывать», **хыртыстан** «1. раздражаться; 2. злиться» превносят в семантику предложения специфический оттенок. Поскольку функциональные эквиваленты выполняют одну и ту же функцию в предложениях, для них характерна однотипная сочетаемость. Но могут быть и исключения из правил, как например, в последнем предло-

жении, падежное управление глаголов **хыртыстан** «1. раздражаться; 2. злиться», и **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» не совпадают: раздражаться, злиться + на кого, ненавидеть + кого. В целом, нейтрализация семантических различий базового глагола и глагола со специализированным значением происходит двумя путями: 1) в контексте у базового глагола может возникнуть дополнительный семантический признак, часто поддержанный соответствующими конкретизаторами; 2) в контексте у маркированного глагола может стереться различительный семантический признак.

Мы согласны с положением Э. В. Кузнецовой о сходстве функциональной эквивалентности слов с многозначностью, поскольку оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются только на уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и синонимии неодинаковы, даже противоположны. «При семантическом варьировании слова контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. При функциональной эквивалентности, напротив, контекст должен быть одинаковым. Сходство контекста снимает частично формальное несходство лексем, выполняющих одну и ту же функцию» [2, с. 123-124].

В своей статье «О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов» Э. В. Кузнецова более детально описывает соотношение этих двух видов вариантных отношений слов: многозначности и функциональной эквивалентности. «При многозначности инвариантным, неизменным является форма слова, а варьируется его значение. При функциональной эквивалентности инвариантом является семантическая функция слова в предложении, а вариантами – чередующиеся слова – синонимы» [3, с. 100]. Например, многозначный глагол **көр** имеет следующие ЛСВ: 1) «видеть». *Мин ол малларны иртен чазыда көргем* – Я этих коров видел утром в поле; 2) «решать». *Позың көр, пу киректе хайди поларзың* – Сам решай, как ты будешь выкручиваться в данной ситуации; 3) «присматривать, ухаживать за кем-л.». *Кирі пабамны көрчөм* – Ухаживаю за пожилым отцом; 4) «испытывать, переносить, переживать». *Улуг кізі чуртаста чахсыны даа, хомайны даа көрген* – Старый человек в жизни

видел и хорошее, и плохое; 5) «считать, иметь какое-л. мнение». *Пу статьяны син хайди көрчезиң, хайди пазылтыр?* - Как ты смотришь на эту статью, как она написана? 6) в качестве вспомогательного глагола обозначает «пробовать». *Ол, үр агырған соонда, төзектең турып алып, настагы хаалағлар ит көрген* - После долгой болезни он, встав с кровати, пробовал делать первые шаги. Как видим, совокупность всех перечисленных ЛСВ представлена в одной семантической структуре глагола **көр**, основным, первичным значением которого является «смотреть». Каждое значение данного глагола варьируется в отдельном контексте. За счет этих своих значений глагол **көр** обладает подвижностью, которая и обеспечивает словам достаточную функциональную гибкость в составе предложения.

Далее в качестве функциональных эквивалентов возьмем глаголы: **чоохта** «говорить» и **сыбыхта** «шептать», которые могут быть взаимозаменяемы в предложении: *Кір килбинең, ол көйүмзер пастырча, аның хулаана нима-де сыбыхтапча (чоохтапча)* (Хч, 1992, 114) - Войдя, он сразу идёт к моей тётке, шепчет (говорит) ей что-то на ухо. В данном предложении в зависимости от контекстного окружения нейтральный к внешней звуковой характеристике глагол **чоохта** «говорить» приобретает сему «тихо», которая делает его функциональным эквивалентом глагола **сыбыхта** «шептать».

«Существенным для развития многозначности и функциональной эквивалентности оказывается характер значения слова и широта его употребления. Самые малоупотребительные, обладающие узким, специальным значением, как правило, бывают лишены как вторичных значений, так и функциональных эквивалентов» [3, с. 100].

К отношениям функциональной эквивалентности больше всего подвержены глаголы с

нейтральным, малосодержательным значением. При анализе их семантических структур обнаруживается сходство, проявляющееся в однотипности вторичных значений глаголов. Глаголы с более узкими и специализированными значениями, как правило, оказываются вне этих отношений, они однозначны и незаменимы. Имеет значение также и то, каков характер действия, выраженного в основном значении глагола. В зависимости от задач высказывания, ситуации, контекста отдельные признаки в семантике глагола могут усиливаться и ослабевать, появляться и исчезать. Без этих особенностей невозможна функциональная эквивалентность глаголов. Более широкие связи с другими глаголами по линии функциональной эквивалентности и развитую способность к многозначности имеют глаголы, обозначающие физические действия. По сравнению с ними функциональные возможности глаголов психической деятельности ограничены.

Литература

1. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // *Вопросы языкознания*. – 1984. – № 2. – С. 31-42.
2. Кузнецова Э. В. *Лексикология русского языка: учебное пособие для филол. фак. ун-тов*. – М., 1989.
3. Кузнецова Э. В. О соотношении многозначности и функциональной эквивалентности слов // *Вопросы языкознания*. – 1978. – № 2. – С. 97-103.
4. Кропотова Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 2 (4). – С. 157-161.
5. Кузнецова Э. В. Боровикова Н. А. *Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов*. – Иркутск, 1989. – 177 с.